

<https://doi.org/10.59821/18294219-2023.1-skdp>

Сергей Коновалов

*К.ю.н., ассистент кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*

ДЕПОНИРОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ В НЕМЕЦКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПОСТСОВЕТСКОГО МИФА¹

Абстракт

В статье рассматривается немецкий опыт нормативного закрепления и практического применения уголовно-процессуального института депонирования показаний. Сегодня эта процедура активно обсуждается на всём постсоветском пространстве. Особую остроту данному обсуждению придаёт тот факт, что уже семь стран бывшего СССР (Литва, Эстония, Молдавия, Украина, Казахстан, Киргизия и Армения) внедрили институт депонирования в своё уголовное судопроизводство.

Автор статьи приходит к заключению, что опыт ФРГ не может служить позитивным примером для подобного рода реформ. По мнению автора, немецкий вариант депонирования не имеет под собой внятной концептуальной основы, а само его существование, по всей видимости, является следствием исторической случайности.

В статье также демонстрируется надуманность часто проводимых параллелей между немецкими и постсоветскими нормами о депонирования. Гораздо более правдоподобной кажется гипотеза о том, что постсоветские реформаторы опирались на американский опыт, имеющий свою особую внутреннюю логику.

Центральная мысль статьи состоит в принципиальной несовместимости института депонирования с началами континентального предварительного расследования. Этот вывод может быть полезен для дальнейшего осмысления актуальных проблем досудебного производства.

Ключевые слова: уголовный процесс; досудебное производство; предварительное следствие; депонирование; свидетельские показания; оглашение показаний; Германия; постсоветские государства.

---

¹ Статья была представлена 16.03.2023 и прошла рецензирование 17.03.2023.

1. Введение. Понятие депонирования и проблема его универсальности

Тема депонирования показаний в наши дни стала одной из тех тем, которые горячо обсуждаются на всём постсоветском пространстве. Тем не менее, сам этот институт для большинства стран бывшего СССР по-прежнему остаётся своего рода правовой экзотикой. Поэтому, прежде чем перейти к постановке проблемы, стоит коротко пояснить смысл термина «депонирование».

Слово «депонирование» происходит от латинского глагола “*dēponō*”, одно из значений которого – «отдавать на сохранение»². В лексику современных русскоговорящих процессуалистов оно, по всей видимости, вошло как перевод английского термина “*deposition*”³. По крайней мере, именно так в оригинале именуется соответствующий американский институт, очевидно, ставший образцом для отдельных постсоветских реформ⁴.

Отталкиваясь от обозначенной этимологии, можно сказать, что суть депонирования в интересующем нас контексте⁵ состоит в *целенаправленном «сохранении» для последующего оглашения в судебном разбирательстве показаний свидетеля, осуществляемом посредством его допроса судьёй в ходе предварительного расследования*⁶.

Предложенное определение не случайно начинается со слова «целенаправленный». Думается, что это один из существенных признаков депонирования, его яркая отличительная черта. Без указания на целенаправленность оно из экзотики превращается в институт, знакомый огромному множеству самых разных право-

² Петрученко О. Латинско-русский словарь. М., 1914. С. 180. Ср. также значения глагола “*dēponō*” в словаре за авторством И.Х. Дворецкого: «отдавать на хранение; ... *юр.* депонировать» (Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 309).

³ В весьма авторитетном словаре латинского языка, составленном Ч.Т. Льюисом и Ч. Шортом, в качестве производного от глагола “*dēponō*” названо существительное “*dēpōsitiō*”, на английский переводимое в том числе как “*deposition*” (Lewis Ch.T., Short Ch. A New Latin Dictionary. New York, Oxford, 1891. P. 551).

⁴ Об этом см. далее.

⁵ В американской научной литературе принято выделять «два основных вида депонирования: закрепляющее (*perpetuation*) и раскрывающее (*discovery*). Закрепляющее депонирование проводится для того, чтобы “закрепить” показания в тех случаях, когда ожидается, что свидетель окажется недоступен при рассмотрении дела в суде. Раскрывающее депонирование, как следует из его названия, – это инструмент для получения [стороной – С.К.] новой информации от депонента или о нём» (Ortman W. Confrontation in the Age of Plea Bargaining // Columbia Law Review. 2021. Vol. 121. P. 487). Однако в уголовных делах «раскрывающее» депонирование практически не применимо (Montoya J. A Theory of Compulsory Process Clause Discovery Rights // Indiana Law Journal. 1995. Vol. 70. P. 856). Последний тезис в ещё большей мере справедлив для постсоветского пространства.

⁶ Ср. описание процедуры депонирования в Федеральных правилах уголовного судопроизводства США (правило 15): «Сторона вправе ходатайствовать о депонировании потенциального свидетеля, чтобы сохранить его показания для судебного разбирательства» (Federal Rules of Criminal Procedure // https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp/rule_15URL: (дата обращения 03.03.2023)).

порядков. В этом смысле показательно, что некоторые постсоветские исследователи без труда находят аналоги американского депонирования даже в дореволюционной России⁷. Ведь идея о том, что судья, заслушав показания свидетеля в ходе предварительного расследования, тем самым обеспечивает потенциальную возможность их последующего оглашения в суде, в определённой мере является универсальной.

В самом деле, мысль об особом качестве сведений, собранных носителем судебной власти (в том числе на предварительном расследовании), свойственна для многих стран не только англо-саксонского, но и континентального права. Согласно классическим воззрениям, именно судебная природа процессуально значимой информации служит центральным условием признания за нею статуса доказательств, способных лечь в основу приговора⁸. Отсюда, помимо прочего, следует, что оглашение зафиксированных ранее показаний возможно лишь при условии, что они были даны пред лицом представителя судебной власти.

Другой важной точкой соприкосновения англо-саксонской и континентальной моделей уголовного процесса является начало *непосредственности* исследования доказательств в судебном разбирательстве. Из него, в частности, вытекает, что оглашение показаний, зафиксированных в ходе предварительного расследования, возможно лишь в отдельных, крайне редких случаях. Так, И.Я. Фойницкий, рассуждая о российском дореволюционном процессе, основанном на классических континентальных началах, писал, что «прочтение записей предварительного следствия составляет исключение»⁹. Весьма похоже на это звучит современная норма, закреплённая в Федеральных правилах уголовного судопроизводства США (правило 15): суд вправе удовлетворить ходатайство о «депонировании потенциального свидетеля» лишь при наличии «исключительных обстоятельств» (*“exceptional circumstances”*).

Не менее созвучны и принятые в различных правовых системах типовые ситуации возможного оглашения ранее данных показаний. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. «дозволял прочтение показаний свидетелей, не явившихся в суд», в частности, «за смертью, болезнью, совершенною дряхлостью или дальнею отлучкою»¹⁰. Американское законодательство в основном исходит из аналогичных предпосылок, «разрешая депонирование в уголовных делах в случаях проживания свидетеля вне пределов юрисдикции; предполагаемого отъезда за её

⁷ См., например: Терехов А.Ю., Латыпов В.С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 118.

⁸ Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. М., 2021. С. 454-455 (автор главы – Л.В. Головки).

⁹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб, 1910. С. 301.

¹⁰ Там же.

границы; невозможности его поиска в пределах юрисдикции, несмотря на должные усилия; болезни или инвалидности либо надвигающейся смерти»¹¹.

В общем, идею ограниченного использования в судебном разбирательстве «досудебных» показаний, предварительно «сохранённых» судьёй, действительно можно назвать универсальной. Но говорит ли это об универсальности депонирования? Думается, что нет. Ведь то депонирование, о котором грезят столь многие современные правоведаы, имеет вполне конкретную цель. Оно не просто *позволяет* сохранить показания для их последующего оглашения. Оно *существует* ради возможности их оглашения. И эта цель, как представляется, совершенно несовместима с континентальным представлением о предварительном расследовании.

Чтобы в этом убедиться, стоит вновь взглянуть на приведённые выше перечни «исключительных обстоятельств». При всём их несомненном сходстве, между ними есть одно принципиальное отличие. В то время как американское право рассуждает о событиях будущего («предполагаемом отъезде», «надвигающейся смерти»), российский дореволюционный закон говорит о свершившемся факте (свидетель не явился). Соответственно, сам момент определения «исключительных обстоятельств» различается радикально.

Для депонирования их обнаружение выступает в качестве предпосылки. Американский судья приступает к «досудебному» допросу только потому, что к этому времени уже есть основания опасаться будущей неявки свидетеля. Тем самым его показания целенаправленно «сохраняются» для возможного оглашения. В отличие от этого, в континентальной традиции суд, как правило, впервые задумывается об оглашении показаний лишь в ситуации реального отсутствия свидетеля в судебном разбирательстве. Иными словами, «досудебные» допросы несколько не зависят от возможной неявки свидетеля. Более того, нередко они проводятся с ясным пониманием того, что составленный протокол едва ли будет оглашаться в судебном разбирательстве.

Это различие напрямую связано с концепцией *предварительного следствия*, одной из наиболее ярких отличительных черт континентального уголовного процесса¹². Говоря предельно кратко, суть в том, что если в странах общего права предварительное производство в основном находится в руках полиции, то в государствах романо-германской правовой семьи его центральной фигурой является следственный судья¹³. Поскольку он рассматривается как представитель судебной власти,

¹¹ Ratnoff M.F. Comment: The New Criminal Deposition Statute in Ohio – Help or Hindrance to Justice? // Case Western Reserve Law Review. 1968. Vol. 19. P. 284. См. также Ferdico J.N., Fradella H.F., Totten C.D. Criminal Procedure for the Criminal Justice Professional. Wadsworth, 2009. P. 81.

¹² Подробнее об идее предварительного следствия в сопоставлении с англосаксонским вариантом предварительного производства см.: Головки. Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юридического факультета. Кн. 11. М., 2009. С. 325–340.

¹³ В дореволюционной России этот субъект именовался «судебным следователем».

весь собранный им доказательственный массив (материалы уголовного дела) считается полностью пригодным для использования в судебном разбирательстве.

Соответственно, в отличие от американской полиции, континентальному следователю (следственному судье) незачем прибегать к каким бы то ни было специальным процедурам по «сохранению» свидетельских показаний. Составленный им самим протокол допроса вполне годится для того, чтобы в случае необходимости быть оглашённым в суде. В этом смысле абсолютно любое следственное действие, произведённое в рамках предварительного следствия (будь то допрос, обыск, выемка и т.д.), так или иначе способствует «сохранению» доказательств для будущего судебного разбирательства.

Более того, право на производство следственных действий в континентальном уголовном процессе традиционно предоставляется не только следственному судье непосредственно, но и другим органам, действующим от его имени. К примеру, И.Я. Фойницкий, отмечая, что «протоколы дознания с [показаниями, записанными на предварительном следствии, – С.К.] ... сравниваемы быть не могут», далее делал оговорку, что «записи, сделанные полицией или должностными лицами, действовавшими на правах следователя, ... судебная практика ставит наряду с записями предварительного следствия»¹⁴. Поэтому «протоколы, составленные чинами сельской или городской полиции допускались к прочтению [в судебном разбирательстве – С.К.] ... если полиция действовала на правах судебного следователя или заменяя его»¹⁵.

В этом контексте вполне закономерно звучит наблюдение М.Р. Дамаски об «относительно бóльшей легкости, с которой континентальный прокурор [в отличие от англо-саксонского – С.К.] может привлекать для доказывания досудебные показания свидетелей. Практически во всех правопорядках свидетельские показания, записанные в ходе предварительного расследования, а часто даже раньше, во время предшествующей ему деятельности полиции, могут использоваться в суде для доказывания существенных обстоятельств»¹⁶.

С учётом соображений, изложенных выше, кажется очевидным, что идею депонирования (целенаправленного сохранения показаний для судебного разбирательства) с континентальной логикой предварительного производства совместить невозможно. Этот вывод в полной мере справедлив для любого из постсоветских государств. Несмотря на то, что в советскую эпоху следователь перестал быть судьёй *stricto sensu*¹⁷, континентальное представление о следственном действии как

¹⁴ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 300-301.

¹⁵ Там же. С. 303.

¹⁶ Damaska M.R. Evidentiary Barriers to Conviction and Two Models of Criminal Procedure: a Comparative Study // University of Pennsylvania Law Review. 1973. Vol. 121. P. 519.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Васильев О.Л. Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России: Монография. М., 2017. С. 320-328.

о легитимном способе собирания полноценных доказательств по-прежнему актуально на всём постсоветском пространстве. Предварительное расследование и сегодня «обеспечивает органы правосудия материалами об исследованных и предварительно доказанных обстоятельствах преступления»¹⁸. При таких обстоятельствах никаких внятных концептуальных предпосылок для идеи об особом качестве «депонированных» доказательств нет и быть не может.

Тем не менее, вот уже 20 лет мы можем наблюдать, как институт депонирования стремительно завоёвывает постсоветское пространство. На данный момент эта процедура используется уже в семи государствах: в Литве (ст. 173 УПК¹⁹), Эстонии (ст. 69.1 УПК²⁰), Молдавии (ст. 109 УПК²¹), на Украине (ст. 225 УПК²²), в Казахстане (ст. 217 УПК²³), Киргизии (гл. 26 УПК²⁴) и Армении (гл. 41 УПК²⁵). О намерении провести соответствующую реформу неоднократно, в том числе официально, высказывался Президент Узбекистана²⁶. При этом «одним из основных аргументов сторонников рассматриваемых преобразований процесса доказывания в бывших республиках Советского Союза является позитивный опыт функционирования германской модели»²⁷, то есть пример не англо-саксонского, а классического континентального правопорядка. Столь же примечательно, что

¹⁸ Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. М., 2021. С. 646 (авторы параграфа – О.Л. Васильев, Л.В. Головки).

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики от 14 марта 2002 г. № IX-785 [На литовском языке] // URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.EC588C321777/asr> (дата обращения 03.03.2023).

²⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. // URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения 03.03.2023).

²¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122 // URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=326970> (дата обращения 03.03.2023).

²² Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения 03.03.2023).

²³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения 03.03.2023).

²⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308> (дата обращения 03.03.2023).

²⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 30 июня 2021 г. № 306-Ն [на армянском языке] // URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=154763> (дата обращения 03.03.2023).

²⁶ См. Постановление Президента Республики Узбекистан от 14 мая 2018 г. № ПП-3723 «О мерах по кардинальному совершенствованию системы уголовного и уголовно процессуального законодательства» // URL: <https://lex.uz/docs/3734183> (дата обращения 03.03.2023); Указ Президента Республики Узбекистан от 10 августа 2020 г. № УП-6041 «О мерах по дальнейшему усилению гарантий защиты прав и свобод личности в судебной-следственной деятельности» // URL: <https://lex.uz/docs/4939472> (дата обращения 03.03.2023).

²⁷ Шестакова С.Д., Иманалиева У.Э. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Кыргызской Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1. С. 181.

авторы приведённой цитаты рассматривают депонирование как инструмент, «необходимый для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела»²⁸, то есть для обеспечения традиционных континентальных ценностей.

Поскольку всё это, очевидно, идёт вразрез с утверждением о сугубо англосаксонском характере рассматриваемого института, представляется важным проанализировать немецкий опыт «сохранения» доказательств и затем сопоставить его с современными постсоветскими реформами.

2. Депонирование показаний в Германии

Для начала стоит сказать о том, что, вопреки утверждениям отдельных постсоветских правоведов²⁹, сам термин «депонирование» (нем. “*Deponierung*”) в германском уголовно-процессуальном законодательстве не встречается. Немецкими учёными и практиками в интересующем нас контексте он также не используется. Вместе с тем, в Германии действительно существует особая процедура целенаправленного «сохранения» доказательств для судебного разбирательства, и в этом смысле рассуждать *mutatis mutandis* о немецком варианте депонирования вполне корректно.

Согласно § 162 I УПК ФРГ³⁰, «если прокуратура считает необходимым производство судебного следственного действия, она заявляет соответствующее ходатайство... в участковый суд». В частности, таким «судебным следственным действием» (“*gerichtliche Untersuchungshandlung*”) может быть допрос, проводимый с целью последующего оглашения показаний в судебном разбирательстве. Хотя сам законодатель не определяет, в каких именно ситуациях возникает обозначенная «необходимость», соответствующие примеры можно найти в одном из важнейших документов, имеющих отношение к немецкому уголовному процессу: Директивах к уголовному судопроизводству и порядку наложения денежного штрафа³¹.

Пункт 10 Директив называет две типовые ситуации: 1) когда могут быть утеряны доказательства признания вины и 2) когда все потенциальные свидетели наделены свидетельской привилегией. Как видно, эти основания совершенно не похожи на те «исключительные обстоятельства», о которых говорилось во введе-

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Германии от 1 февраля 1877 г. [Доступен на немецком и английском языках] // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/> (дата обращения 03.03.2023).

³¹ Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren vom 1. Januar 1977 // Bundesanzeiger. 1976. Nr. 245. S. 2ff (далее – Директивы). Этот межведомственный акт, содержащий единые стандарты применения УПК, был утверждён министрами юстиции Германии и всех федеральных земель, в связи с чем он, по смыслу § 146 Закона о судостроительстве ФРГ, рассматривается как обязательный для всех прокуроров (и, как следствие, для полиции).

нии. В приведённых примерах нет ни слова о лицах, находящихся при смерти или планирующих долгую зарубежную поездку. Ещё одна важная особенность состоит в том, что в отличие от США, в Германии ходатайствовать о депонировании вправе не «стороны», а только прокурор.

Эти, на первый взгляд, несущественные отличия, в действительности отражают серьёзные внутренние противоречия современного немецкого законодательства. Чтобы увидеть их суть и понять их истоки, необходимо обратиться к истории.

Как известно, до 1975 г. в Германии, как и в большинстве стран континентальной Европы, существовало предварительное следствие, производство которого было вверено следственному судье³². В силу этого вторая форма предварительного расследования: дознание, осуществляемое полицией под руководством прокурора, рассматривалась как неполноценная и не дающая полноценных доказательств. В частности, действовавший в тот период закон устанавливал, что «нормальный» допрос с разъяснением обвиняемому и свидетелям их прав и ответственности вправе проводить только суд³³. Соответственно, полицейские и прокурорские протоколы допроса не имели доказательственной силы в суде.

В то же время реальное положение вещей было таково, что по большинству дел предварительное следствие не проводилось³⁴. Как итог, основная нагрузка по собиранию доказательственной информации волей-неволей ложилась на плечи прокуратуры и полиции. Естественно, что в таких условиях они были весьма заинтересованы в «закреплении» судом наиболее важных показаний. При этом их в первую очередь волновали не редкие случаи смертельной болезни или дальнего отъезда свидетелей, а куда более прозаичные ситуации, такие как изменение показаний в суде или использование свидетельской привилегии. Именно в этом ключе была понята норма о праве прокурора ходатайствовать о «судебных следственных действиях», что и привело к появлению немецкого варианта депонирования.

Так, § 254 УПК устанавливал, что в случае противоречивости слов обвиняемого, а также для прояснения обстоятельств признания вины оглашению подлежат только показания, записанные в судебном протоколе. Разумеется,

³² Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств: Учебное пособие для юридических вузов / Под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2002. С. 414 (автор главы – Б.А. Филимонов).

³³ Историю изменений, вносимых в УПК ФРГ со дня его принятия, можно проследить, используя пятитомный сборник *Änderungsgesetze und Neubekanntmachungen der Strafprozessordnung und strafverfahrensrechtlicher Bestimmungen des Gerichtsverfassungsgesetzes* / Zwihehoff G. (Hrsg.). Münster, 2013.

³⁴ См., например: Berndt E. Untersuchungsrichter oder Staatsanwalt? // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 1931. Nr. 1. S. 739-740.

законодатель под словом «судебный» в первую очередь подразумевал документ, составленный следственным судьёй. Но поскольку на практике предварительное расследование, как правило, сводилось к дознанию, со временем это положение стало пониматься иначе. «Судебные протоколы» стали составляться судьями, допрашивающими обвиняемых по ходатайству прокуроров, обеспокоенных возможностью изменения признательных показаний. Так появилась первое из двух типовых оснований депонирования, обозначенных в Директивах (вероятность того, что доказательства признания вины будут утрачены).

Для допроса свидетелей закон устанавливал ещё более строгие предписания. § 252 УПК категорически запрещал заслушивать показания лиц, впоследствии отказавшихся от дачи показаний. Впрочем, практика нашла способ обойти и это ограничение. Как указал Верховный суд ФРГ, поскольку «закон относится различно к судебным и несудебным допросам», суд первой инстанции, хотя и не может оглашать протоколы, но всё же вправе «допросить судью, заслушавшего [свидетеля] в рамках досудебного производства и разъяснившего ему свидетельскую привилегию, о полученных таким образом показаниях»³⁵. В результате оформилось второе типовое основание депонирования, названное в Директивах (наличие свидетельской привилегии у всех потенциальных свидетелей).

Из сказанного ясно, что немецкий вариант депонирования возник не как концептуально проработанная идея, а как реакция на аномальный разрыв между догмой о «маргинальности» дознания и его практической «нормальностью». Однако со временем этот разрыв был устранён. Как минимум, к началу 1960-х годов в немецкой правовой доктрине закрепилось представление о прокуратуре как о ведомстве, которое «наряду с судом является независимым органом юстиции», обеспечивающим надлежащую реализацию судебной власти³⁶. Это означало, что теперь прокурор рассматривался как полноправный субъект доказывания, в этом смысле ничем не уступающий следственному судье. Также тем самым легитимировалась деятельность полиции, действующей в рамках дознания исключительно от имени прокуратуры³⁷.

Конечно, столь радикальные изменения не могли не отразиться на законодательстве. В 1974 г. предварительное следствие в Германии было упразднено окончательно³⁸. А ещё десятью годами ранее прокуратура и полиция, наконец,

³⁵ Urteil des Bundesgerichtshofs vom 15.01.1952, Aktenzeichen 1 StR 341/51 // Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen. Bd. 2. S. 99ff.

³⁶ Schmidt E. Lehrkommentar zur Strafprozessordnung und zum Gerichtsverfassungsgesetz. T. I. Die rechtstheoretischen und die rechtspolitischen Grundlagen des Strafverfahrensrechts. Göttingen, 1964. S. 79.

³⁷ Подробнее об этом см.: Коновалов С.Г. Постсоветские реформы досудебного производства в свете германских процессуальных институтов. М., 2023. С. 146-151.

³⁸ Erstes Gesetz zur Reform des Strafverfahrensrechts vom 9. Dezember 1974 // BGBl. I. 1974, S. 3393ff.

получили возможность проводить полноценный допрос с разъяснением гражданам их прав и ответственности³⁹. Но, как это ни странно, прежние ограничения на оглашение показаний сняты не были. Наиболее вероятная причина тому – непродуманность внесённых поправок. Проще говоря, законодатель, меняя нормы о досудебном производстве, по всей видимости, забыл о существовании корреспондирующих норм в разделе о судебном разбирательстве.

Впрочем, Верховный суд ФРГ по понятным причинам был вынужден искать менее приземлённое объяснение. В одном из своих решений, вынесенном в 2000 г., сославшись на «стабильность правоприменения и единодушие доктрины», он отметил, что «важнейшее основание для различного отношения к судебным и несудебным допросам, согласно новейшей практике, состоит в том, что и сам закон – что видно из § 251 I, II УПК – относится к судебным допросам в целом с большим доверием. Это основание не отпало и после введения обязанности полиции и прокуратуры разъяснять права допрашиваемых лиц»⁴⁰.

Думается, что приведённое разъяснение не лишено лукавства. Во-первых, ни о каком единодушии доктрины по данному вопросу не может быть и речи⁴¹. Во-вторых, один из центральных аргументов в пользу упразднения немецкого предварительного следствия состоял в том, что люди доверяют прокуратуре не меньше, чем суду⁴². В-третьих, тезис о худшем качестве прокурорских допросов едва ли совместим с общепризнанным представлением о прокуроре как о полноценном субъекте доказывания. Наконец, в-четвёртых, судебная практика после поправок 1964 г. признаёт допустимым допрос прокуроров и сотрудников полиции по поводу показаний, полученных у обвиняемого⁴³.

Таким образом, более пристальное изучение немецкого варианта «закрепления» доказательств вновь подводит нас к выводу о том, что институт депонирования не может быть вписан в логику континентального предварительного расследования. Его существование в уголовном процессе ФРГ не имеет под собой внятного концептуального основания и, судя по всему, является следствием ис-

³⁹ Gesetz zur Änderung der Strafprozeßordnung und des Gerichtsverfassungsgesetzes (StPÄG), vom 19. Dezember 1964 // BGBl. I. 1964. S. 1067ff.

⁴⁰ Urteil des Bundesgerichtshofs vom 03.11.2000, Aktenzeichen 2 StR 354/00 // Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen. Bd. 46. S. 89ff.

⁴¹ См., например: Beulke W. Klausurenkurs im Strafrecht III. Bobingen, 2013. S. 137-138.

⁴² См. об этом пояснительную записку к проекту реформы (Entwurf eines Ersten Gesetzes zur Reform des Strafverfahrensrechts // URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/07/005/0700551.pdf> (дата обращения 03.03.2023).

⁴³ Urteil des Bundesgerichtshofs vom 31.05.1968, Aktenzeichen 4 StR 19/68 // Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen. Bd. 22. S. 170ff. Критическую оценку данной правовой позиции Верховного суда ФРГ с признанием того, что она действительно основана на устоявшейся судебной практике и имеет немало сторонников в немецкой правовой доктрине см. в очерке Г. Грюнвальда (Grünwald G. Entscheidungen: Strafprozessrecht // JuristenZeitung. 1968. Nr. 22. S. 754).

торической случайности. В наши дни трудно найти хоть одну весомую причину, почему прокурор, признанный полноправным субъектом доказывания, оказывается неспособным самостоятельно «сохранить» показания для суда.

В этом контексте примечательно, что в современной немецкой науке термин «сохранение доказательств» (*“Beweissicherung”*) применяется не только к их депонированию⁴⁴, но и к самым обычным прокурорским (а вместе с ними и к полицейским) следственным действиям. Как отмечает У. Хелльманн, прокуратура и полиция в рамках расследования наделены полномочиями по решению двух задач: «раскрытие обстоятельств дела и сохранение доказательств»⁴⁵. В такой ситуации существование особой процедуры депонирования выглядит явно избыточным.

3. Немецкое депонирование и постсоветские реформы

Думаю, из предыдущего раздела понятно, что немецкое депонирование – не лучший пример для рассуждений о «позитивном континентальном опыте». Но есть и ещё одна важная деталь. При внимательном сопоставлении депонирования в Германии и постсоветских странах становится очевидно, что никакого реального заимствования немецкого опыта в данном случае не было и любые ссылки на него или основываются на незнании, или представляют собой своего рода «пускание пыли в глаза». Единственное исключение, по всей видимости, составляет Литва, и тем ироничнее, что объектом особо резкой критики со стороны отечественных сторонников исследуемого института оказываются именно те черты, которые сближают литовскую и германскую процедуры⁴⁶. В основном же постсоветские нормы о депонировании явно представляют собой копирование американских правовых конструкций с сугубо англосаксонской внутренней логикой.

И дело даже не в использовании термина «депонирование», чуждого для немецкого уголовно-процессуального права, но вполне привычного для законодательства США. Хотя сам факт, что этот термин был не просто воспринят постсоветской правовой наукой, но и включён в целый ряд постсоветских кодексов (УПК Эстонии, Казахстана, Киргизии и Армении), уже говорит о многом. Но всё же куда более важно то, что постсоветское депонирование, подобно американскому, буквально пронизано началом состязательности. Не случайно некоторые постсоветские исследователи считают состязательный характер самой

⁴⁴ Хотя и к нему тоже. См. Hartmann A., Schmidt R. Strafprozessrecht (Grundzüge des Strafverfahrens). Bremen, 2018. S. 287-288.

⁴⁵ Hellmann U. Strafprozeßrecht. Berlin, Heidelberg, 1998. S. 23, 35.

⁴⁶ Зинченко И.А., Попов А.А. Структура уголовно-процессуального института депонирования показаний, цель и основания его применения (компаративистский взгляд) // Библиотека криминалиста. 2015. № 1. С. 304-306.

«сутью», «смыслом» депонирования⁴⁷. Это означает, что оно должно проводиться не просто в судебном заседании, но также «с обязательным участием процессуального противника» ходатайствующей стороны⁴⁸ с целью организации перекрёстного допроса⁴⁹.

Именно такая логика сегодня заложена в большинстве постсоветских кодексов⁵⁰. Например, ст. 69.1 УПК Эстонии устанавливает, что процедура депонирования должна подчиняться правилам судебного следствия, одно из которых состоит в проведении перекрёстного допроса (ст. 288 эстонского УПК). Аналогичные положения содержатся, в частности, в ч. 1 ст. 277 УПК Киргизии и ч. 3 ст. 309 УПК Армении.

Едва ли можно сомневаться в том, что источником вдохновения в данном случае послужило не немецкое, а американское право. Как известно, 6-я поправка к Конституции США закрепляет право обвиняемого на «конфронтацию» (“*confrontation*”), предполагающее, что достоверность показаний свидетеля должна «оцениваться особым образом: посредством проверки в горниле перекрёстного допроса»⁵¹. Иными словами, каждый обвиняемый вправе допросить свидетеля, дающего показания против него. Доказательства, положенные в основу приговора, должны быть собраны с соблюдением этой гарантии. Отсюда, помимо прочего, вытекает, что депонирование, как правило, должно быть состязательным.

Разумеется, в этой логике нет ничего универсального. Более того, она совершенно не вписывается в континентальные представления о предварительном производстве. Рискую быть обвинённым в объяснении трюизмов, напомним, что одним из важнейших принципов континентального расследования было и остаётся *инквизиционное начало*⁵². Из этого, в частности, следует, что в предварительном производстве, даже при проведении судебных заседаний, никаких сторон нет и быть не может.

К слову, немецкая правовая доктрина идёт ещё дальше, постулируя несостязательный характер не только дознания, но и судебных стадий процесса. Прокуратура в Германии принципиально позиционируется не как сторона по делу, а как

⁴⁷ Там же. С. 302.

⁴⁸ Гамбарян А.С. Правовые режимы депонирования доказательств (показаний) и их специфика в уголовном процессе Республики Армения // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 163.

⁴⁹ Зинченко И.А., Попов А.А. Указ. соч. С. 118.

⁵⁰ См. Попов А.А. Проблемы регламентации досудебного депонирования показаний в уголовном процессе (компаративистский подход) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 196-200.

⁵¹ Цитата из решения Верховного Суда США по делу «Кроуфорд против Вашингтона», вынесенного в 2004 г. (Crawford v. Washington, 541 U.S. 36 (2004) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/541/36/> (дата обращения 03.03.2023)).

⁵² Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. М., 2021. С. 142.

«объективнейший орган в мире»⁵³. И хотя в данном случае мы имеем дело с крайней и в сравнительно-правовом контексте не слишком популярной идеей, нельзя не отметить, что для континентальной традиции в целом вполне характерна не-состязательная структура исследования доказательств в судебном разбирательстве⁵⁴. Тем более было бы странно ожидать реализации состязательного начала в «досудебных» заседаниях суда. Стоит ли удивляться, что немецкая процедура депонирования мало чем отличается от привычного нам допроса, проводимого следователем⁵⁵. Чего мы в ней точно не встретим, так это «конфронтации» с перекрёстным допросом⁵⁶.

Интересно, что невозможность последовательной реализации состязательного начала в предварительном расследовании осознаётся даже в американском праве. Уже не раз процитированные выше Федеральные правила уголовного судопроизводства США называют ряд ситуаций, когда участие обвиняемого в процедуре депонирования не считается необходимым⁵⁷. Подобные исключения, вполне ожидаемо, встречаются и в постсоветских кодексах. К примеру, ч. 3 ст. 69.1 УПК Эстонии закрепляет, что подозреваемый может не вызываться на допрос при угрозе безопасности свидетеля. Неявка лица, получившего повестку, также не препятствует производству депонирования (ч. 3 ст. 69.1 УПК). Аналогичные положения содержатся в ч. 3 ст. 217 УПК Казахстана, ч. 9 ст. 114 УПК Грузии, ч. 2, 5 ст. 207 УПК Киргизии.

При таких обстоятельствах корректность рассуждений о состязательности и перекрёстном допросе как о «сути» депонирования вызывает большие сомнения. В некоторых случаях эта процедура и вовсе выглядит антисостязательной. Например, ч. 4 ст. 366 УПК Казахстана и ст. 208 УПК Киргизии устанавливают, что свидетель, показания которого были депонированы в досудебном производстве,

⁵³ “*Objektivste Behörde der Welt*”, выражение, принадлежащее Ф. Листу (Liszt F. Vortrag vor dem Berliner Anwaltsverein am 23. März 1901 // Deutsche Juristen Zeitung 1901. Nr. 8. S. 180). См. также соответствующую позицию Верховного суда ФРГ («прокурор – не сторона в процессе»): Urteil des Bundesgerichtshofs vom 23.09.1960, Aktenzeichen 3 StR 28/60 // Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen. Bd. 15. S. 155ff.

⁵⁴ Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. М., 2021. С. 948, 951-952 (автор раздела – С.В. Романов).

⁵⁵ Зинченко И.А., Попов А.А. Указ. соч. С. 305.

⁵⁶ Здесь следует сделать одну важную оговорку. Согласно § 168с II УПК ФРГ (этот параграф был добавлен в кодекс в 1974 г., одновременно с упразднением предварительного следствия), обвиняемый вправе присутствовать при судебном допросе свидетеля и по его окончании давать свои пояснения или задавать вопросы. Однако важно учитывать, что даже в этом случае допрос проводится не сторонами перед судьёй, а самим судьёй. К тому же упомянутое право обвиняемого сильно ограничено. Чтобы отказать ему в присутствии на допросе, достаточно констатировать возможность «угрозы целям расследования». Например, это происходит тогда, когда есть опасение, что свидетель не захочет говорить правду при обвиняемом (§ 168с III УПК ФРГ).

⁵⁷ Соответствующие исключения см. в правиле 15.

пусть даже и в отсутствие обвиняемого, как правило, не должен допрашиваться в судебном разбирательстве, независимо от наличия такой возможности.

Если суммировать сказанное выше, становится понятно, что депонирование в постсоветских странах действительно имеет мало общего с соответствующим немецким институтом. По-видимому, мы в очередной раз наблюдаем пример банального копирования американских правовых конструкций, притом без малейших попыток их адаптации к континентальной почве. Впрочем, в данном случае такая адаптация едва ли возможна. Учитывая концептуальную несовместимость континентального расследования и англо-саксонского депонирования, вполне закономерно, что в целом на постсоветском пространстве рассматриваемый институт применяется сдержанно. Например, в Казахстане за весь 2020 г. зафиксировано всего 712 случаев депонирования показаний. При этом в производстве органов расследования в этот же период находилось 193 678 уголовных дел. Что ещё более примечательно, со стороны защиты было заявлено всего четыре соответствующих ходатайства⁵⁸. Можно ли при этом говорить о произошедшем «развитии состязательных начал»⁵⁹? – Вопрос, пожалуй, риторический.

4. Заключение

Подводя итог, стоит вновь повторить мысль, проходящую красной нитью через всю статью: континентальное предварительное расследование и институт судебного депонирования показаний концептуально несовместимы. И хотя опыт Германии часто преподносится как позитивный пример такого совмещения, его использование в подобном ключе некорректно. Во-первых, немецкий вариант депонирования не имеет под собой внятного доктринального обоснования. По-видимому, его существование – не более чем следствие исторической случайности. Во-вторых, сама ссылка на опыт ФРГ выглядит лукаво, ведь в действительности мало кто из постсоветских исследователей и реформаторов стремится к его заимствованию. Обсуждаемые варианты оптимальной процедуры депонирования обычно куда больше похожи на соответствующие американские институты. Итог подобных заимствований вполне предсказуем: редкие случаи обращения в суд за «сохранением» показаний нисколько не укрепляют, а иногда и вовсе подрывают состязательность, вредя интересам защиты и правосудия.

---

⁵⁸ О том, были ли они удовлетворены, в отчете информации нет. См. информацию на официальном портале правовой статистики Республики Казахстан. URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения 03.03.2023)

⁵⁹ Темирбекова А.А. Судебное депонирование в современном уголовном процессе // Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 6. С. 73.

Список литературы (գրականության ցանկ, reference list)

Правовые акты:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308> (дата обращения 03.03.2023).
Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of October 28, 2021 No. 129 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308> (access Mar. 3, 2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 30 июня 2021 г. № 306-Ն [на армянском языке] // URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=154763> (дата обращения 03.03.2023).
Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia of June 30, 2021 No. 306-Ն // URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=154763> (access Mar. 3, 2023).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения 03.03.2023).
Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of July 4, 2014 No. 231-V // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (access Mar. 3, 2023).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения 03.03.2023).
Criminal Procedure Code of Ukraine of April 13, 2012 No. 4651-VI // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178 (access Mar. 3, 2023).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122 // URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=326970> (дата обращения 03.03.2023).
Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova of March 14, 2003 No. 122 // URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=326970> (access Mar. 3, 2023).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. // URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения 03.03.2023).
Code of Criminal Procedure of the Republic of Estonia of February 12, 2003 // URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks> (access Mar. 3, 2023).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики от 14 марта 2002 г. № IX-785 [На литовском языке] // URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.EC588C321777/asr> (дата обращения 03.03.2023).
Code of Criminal Procedure of the Republic of Lithuania of March 14, 2002 No.

IX-785 // URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.EC588C321777/asr> (access Mar. 3, 2023).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Германии от 1 февраля 1877 г. [Доступен на немецком и английском языках] // URL: (дата обращения 03.03.2023).
German Code of Criminal Procedure of February 1, 1877 // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/> (access Mar. 3, 2023).
9. Federal Rules of Criminal Procedure // URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fr-cmp/rule_15 (access Mar. 3, 2023).
10. Erstes Gesetz zur Reform des Strafverfahrensrechts vom 9. Dezember 1974 // BGBl. I. 1974. S. 3393ff.
First Law on the Reform of the Law of Criminal Procedure of December 9, 1974 // Federal Law Gazette. I. 1974. P. 3393ff.
11. Gesetz zur Änderung der Strafprozeßordnung und des Gerichtsverfassungsgesetzes (StPÄG), vom 19. Dezember 1964 // BGBl. I. 1964. S. 1067ff.
Act Amending the Code of Criminal Procedure and the Judicature Act // Federal Law Gazette. I. 1964. S. 1067ff.
12. Указ Президента Республики Узбекистан от 10 августа 2020 г. № УП-6041 «О мерах по дальнейшему усилению гарантий защиты прав и свобод личности в судебно-следственной деятельности» // URL: <https://lex.uz/docs/4939472> (дата обращения 03.03.2023).
Presidential decree of the Republic of Uzbekistan of August 10, 2020 No. UP-6041 “About Measures for Further Strengthening of Guarantees of Protection of the Rights and Personal Freedoms in Judicial and Investigative Activities” // URL: <https://lex.uz/docs/4939472> (access Mar. 3, 2023).
13. Постановление Президента Республики Узбекистан от 14 мая 2018 г. № ПП-3723 «О мерах по кардинальному совершенствованию систему уголовного и уголовно процессуального законодательства» // URL: <https://lex.uz/docs/3734183> (дата обращения 03.03.2023).
Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan of May 14, 2018 No. PP-3723 “About measures for cardinal enhancement of system of the penal and criminal procedure legislation” // URL: <https://lex.uz/docs/3734183> (access Mar. 3, 2023).
14. Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren vom 1. Januar 1977 // Bundesanzeiger. 1976. Nr. 245. S. 2ff.
Guidelines for criminal proceedings and fine proceedings of January 1, 1977 // Federal Gazette. 1976. No. 245. P. 2ff.

Решения высших судов:

1. Crawford v. Washington, 541 U.S. 36 (2004) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/541/36/> (access Mar. 3, 2023).

2. Urteil des Bundesgerichtshofs vom 03.11.2000, Aktenzeichen 2 StR 354/00 // Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen. Bd. 46. S. 89ff.
Judgment of the Federal Court of Justice of November 3, 2000, file no. 2 StR 354/00 // Decisions of the Federal Court of Justice in Criminal Matters. Vol. 46. P. 89ff.
3. Urteil des Bundesgerichtshofs vom 31.05.1968, Aktenzeichen 4 StR 19/68 // Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen. Bd. 22. S. 170ff.
Judgment of the Federal Court of Justice of May 31, 1968, File No. 4 StR 19/68 // Decisions of the Federal Court of Justice in Criminal Matters. Vol. 22. P. 170ff.
4. Urteil des Bundesgerichtshofs vom 23.09.1960, Aktenzeichen 3 StR 28/60 // Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen. Bd. 15. S. 155ff.
Judgment of the Federal Court of Justice of September 23, 1960, File No. 3 StR 28/60 // Decisions of the Federal Court of Justice in Criminal Matters. Vol. 15. P. 155ff.
5. Urteil des Bundesgerichtshofs vom 15.01.1952, Aktenzeichen 1 StR 341/51 // Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen. Bd. 2. S. 99ff.
Judgment of the Federal Court of Justice of January 15, 1952, File No. 1 StR 341/51 // Decisions of the Federal Court of Justice in Criminal Matters. Vol. 2. P. 99ff.

Научные источники:

1. Васильев О.Л. Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России: Монография. М., 2017.
Vasilyev O.L. Justice at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings in Russia: Monograph. Moscow, 2017.
2. Гамбарян А.С. Правовые режимы депонирования доказательств (показаний) и их специфика в уголовном процессе Республики Армения // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 159-166.
Ghambaryan A.S. Legal Regimes of Deposition of Evidence (Testimony) and Their Particularities in the Republic of Armenia // Judiciary and Criminal Procedure. 2016. No. 1. P. 159-166.
3. Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств: Учебное пособие для юридических вузов / Под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2002.
Golovko L.V., Gutsenko K.F., Filimonov B.A. Criminal Procedure of the Western States: Textbook for Law Schools / Edited by K.F. Gutsenko. Moscow, 2002.
4. Головки Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юридического факультета. Кн. 11. М., 2009. С. 227-360.
Golovko L.V. Materials to the Construction of Comparative Criminal Procedural

- Law: Sources, Evidence, Preliminary Proceedings // Scientific Works of the Faculty of Law. Book 11. Moscow, 2009. С. 227-360.
5. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
Dvoretzky I.Kh. Latin-Russian Dictionary. Moscow, 1976.
  6. Зинченко И.А., Попов А.А. Структура уголовно-процессуального института депонирования показаний, цель и основания его применения (компаративистский взгляд) // Библиотека криминалиста. 2015. № 1. С. 301-308.
Zinchenko I.A., Popov A.A. Structure of Criminal-Procedural Institute of Deposition, Purpose and Grounds of its Application (Comparative View) // Library of Criminalist. 2015. No. 1. P. 301-308.
  7. Коновалов С.Г. Постсоветские реформы досудебного производства в свете германских процессуальных институтов. М., 2023.
Konovalov S.G. Post-Soviet Reforms of Pre-Trial Proceedings in the Light of German Procedural Institutions. Moscow, 2023.
  8. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. М., 2021.
Course of Criminal Procedure / Ed. by L.V. Golovko. Moscow, 2021.
  9. Петрученко О. Латинско-русский словарь. М., 1914.
Petruchenko O. Latin-Russian Dictionary. Moscow, 1914.
  10. Попов А.А. Проблемы регламентации досудебного депонирования показаний в уголовном процессе (компаративистский подход) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 196-200.
Popov A.A. Problems of Regulation of Pre-Trial Deposition in Criminal Proceedings (Comparative Approach) // Gaps in Russian Legislation. 2014. No. 6. P. 196-200.
  11. Терехов А.Ю., Латыпов В.С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 115-121.
Terekhov A.Y., Latypov V.S. Necessity of Depositing Witnesses and Victims in Complex Criminal Cases // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Russian MIA. 2021. No. 1. P. 115-121.
  12. Темирбекова А.А. Судебное депонирование в современном уголовном процессе // Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 6. С. 72-76.
Temirbekova A.A. Judicial Deposition in Modern Criminal Proceedings // International Journal of Experimental Education. 2019. No. 6. P. 72-76.
  13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб, 1910.
Foinitsky I.Ya. Course of Criminal Procedure. Vol 2. St. Petersburg, 1910.
  14. Шестакова С.Д., Иманалиева У.Э. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Кыргызской Республики // Вестник Санкт-

- Петербургского университета МВД России. 2022. № 1. С. 176-182.
Shestakova S.D., Imanalieva U.E. Deposition of Victim and Witness in the Criminal Process of the Kyrgyz Republic // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. P. 176-182.
15. Änderungsgesetze und Neubekanntmachungen der Strafprozessordnung und strafverfahrensrechtlicher Bestimmungen des Gerichtsverfassungsgesetzes / Zwihehoff G. (Hrsg.). Münster, 2013.
Amending Laws and New Notices of the Code of Criminal Procedure and Criminal Procedural Provisions of the Judicature Act / Zwihehoff G. (ed.). Münster, 2013.
16. Berndt E. Untersuchungsrichter oder Staatsanwalt? // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1931. Nr. 1. S. 720-742.
Berndt E. Examining Magistrate or Public Prosecutor? // Zeitschrift für die Gesamte Strafrechtswissenschaft. 1931. No. 1. P. 720-742.
17. Beulke W. Klausurenkurs im Strafrecht III. Bobingen, 2013.
Beulke W. Criminal Law Examination Course III. Bobingen, 2013.
18. Damaska M.R. Evidentiary Barriers to Conviction and Two Models of Criminal Procedure: a Comparative Study // University of Pennsylvania Law Review. 1973. Vol. 121. P. 506-589.
19. Ferdico J.N., Fradella H.F., Totten C.D. Criminal Procedure for the Criminal Justice Professional. Wadsworth, 2009.
20. Grünwald G. Entscheidungen: Strafprozessrecht // Juristen Zeitung. 1968. Nr. 22. S. 749-754.
Grünwald G. Decisions: Criminal Procedural Law // Lawyers' Newspaper. 1968. No. 22. P. 749-754.
21. Hartmann A., Schmidt R. Strafprozessrecht (Grundzüge des Strafverfahrens). Bremen, 2018.
Hartmann A., Schmidt R. Criminal Procedural Law (Basic Features of the Criminal Procedure). Bremen, 2018.
22. Hellmann U. Strafprozeßrecht. Berlin, Heidelberg, 1998.
Hellmann U. Criminal Procedural Law. Berlin, Heidelberg, 1998.
23. Lewis Ch.T., Short Ch. A New Latin Dictionary. New York, Oxford, 1891.
24. Liszt F. Vortrag vor dem Berliner Anwaltsverein am 23. März 1901 // Deutsche Juristen Zeitung 1901. Nr. 8. S. 179ff.
Liszt F. Lecture to the Berlin Bar Association on March 23, 1901 // German Lawyers' Newspaper 1901. No. 8. P. 179ff.
25. Montoya J. A Theory of Compulsory Process Clause Discovery Rights // Indiana Law Journal. 1995. Vol. 70. P. 845-890.
26. Ortman W. Confrontation in the Age of Plea Bargaining // Columbia Law Review. 2021. Vol. 121. P. 451-508.

27. Ratnoff M.F. Comment: The New Criminal Deposition Statute in Ohio – Help or Hindrance to Justice? // Case Western Reserve Law Review. 1968. Vol. 19. P. 279-291.
28. Schmidt E. Lehrkommentar zur Strafprozessordnung und zum Gerichtsverfassungsgesetz. T.I. Die rechtstheoretischen und die rechtspolitischen Grundlagen des Strafverfahrensrechts. Göttingen, 1964.
Schmidt E. Teaching Commentary on the Code of Criminal Procedure and the Judiciary Act. Part I. The Legal-Theoretical and the Legal-Political Foundations of the Criminal Procedural Law. Göttingen, 1964.

Սերգեյ Կոնովալով

Ի.գ.թ., Մ. Վ. Լոմոնոսովի անվան Մոսկվայի պետական համալսարանի իրավագիտության ֆակուլտետի քրեական դատավարության, ստրատեգիայի և դատախազական հսկողության ամբիոնի ասիստենտ

ԱՊԱՑՈՒՅՑՆԵՐԻ ԴԵՊՈՆԱՑՈՒՄԸ ԳԵՐՄԱՆԻԱՅԻ ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ. ՀԵՏԵՈՐՀՐԴԱՅԻՆ ՄԻՖԻ ԶՆՆԱԴԱՏԱԿԱՆ ԳՆԱՀԱՏԱԿԱՆ՝⁶⁰

Համառոտագիր

Հոդվածում քննարկվում է քրեական դատավարության ապացույցների դեպոնացման ինստիտուտի նորմատիվային ամրագրման և գործնական կիրառման գերմանական փորձը: Այսօր այս ընթացակարգը ակտիվորեն քննարկվում է հետխորհրդային երկրներում: Այն, որ նախկին ԽՍՀՄ յոթ երկրներ (Լիտվա, Էստոնիա, Մոլդովա, Ուկրաինա, Ղազախստան, Ղրղզստան և Հայաստան) արդեն իսկ ներդրել են ապացույցների դեպոնացման ինստիտուտն իրենց քրեական դատավարության օրենսգրքերում, սույն թեմայի քննարկումը դարձնում է հատկապես արդիական:

Հոդվածի հեղինակը գալիս է այն եզրակացության, որ Գերմանիայի փորձը չի կարող դրական օրինակ ծառայել նման բարեփոխումների համար: Հեղինակի կարծիքով՝ ապացույցների դեպոնացման գերմանական ուղին չունի հստակ հայեցակարգային հիմք, և դրա գոյությունը, ըստ ամենայնի, պատմական զարգացումների արդյունք է:

Հոդվածը նաև ցույց է տալիս սույն ինստիտուտի շրջանակում գերմանական և հետխորհրդային իրավական համակարգերի միջև հաճախ նշվող զուգահեռների ոչ միանշանակ բնույթը: Արդյունքում՝ շատ ավելի հավանական է այն վարկածը, որ հետխորհրդային երկրները հենվել են ամերիկյան փորձի վրա, որն ունի իր հատուկ ներքին տրամաբանությունը:

Հոդվածի կենտրոնական գաղափարն ապացույցների դեպոնացման հիմնարար անհամատեղելիությունն է մայրցամաքային իրավական համակարգի նախաքննության սկզբի հետ: Այս եզրակացությունը կարող է օգտակար լինել մինչդատական վարույթի բուն խնդիրների հետագա ըմբռնման համար:

Հիմնաբառեր- քրեական դատավարություն, մինչդատական վարույթ, նախաքննություն, դեպոնացում, վկայի ցուցմունք, վկայություն, Գերմանիա, հետխորհրդային պետություններ:

⁶⁰ Հոդվածը ներկայացվել է 16.03.2023թ., գրախոսվել է 17.03.2023թ.:

Sergey Kononov

Candidate of Juridical Sciences, Assistant of the Department of Criminal Procedure, Justice and Supervision by Public Prosecutor of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University

DEPOSITION IN GERMAN CRIMINAL PROCEDURE: A CRITICAL APPRAISAL OF THE POST-SOVIET MYTH⁶¹

Abstract

The article examines the German experience of the legal establishment and practical application of the criminal procedural institute of deposition. Today, this procedure is being actively discussed throughout the post-Soviet space. The fact that seven countries of the former Soviet Union (Lithuania, Estonia, Moldova, Ukraine, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia) have implemented the institute of depositing into their criminal proceedings makes this discussion particularly acute.

The author of the article concludes that the experience of FRG cannot serve as a positive example for this kind of reforms. According to the author, the German version of deposition has no coherent conceptual basis, and its very existence seems to be the result of historical accident.

The article also demonstrates the far-fetched nature of the frequent parallels between German and post-Soviet deposition regulations. The hypothesis that the post-Soviet reformers relied on the American experience, which has its own special internal logic, seems much more plausible.

The central idea of the article is the fundamental incompatibility of the institution of deposition with the beginnings of a continental preliminary investigation. This conclusion may be useful for further reflection on the current problems of pre-trial proceedings.

Keywords: criminal procedure; preliminary enquiry; pre-trial investigation; deposition; witness; testimony; Germany, post-Soviet states.

---

⁶¹ The article was presented on 16.03.2023 and was reviewed on 17.03.2023.